

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. МАГОМЕТОВ

НЕИЗДАННАЯ МОНОГРАФИЯ П. К. УСЛАРА О ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Табасаранский язык — один из младописьменных горских языков Дагестана. Число говорящих на табасаранском языке составляет примерно 30 тыс. человек. Это — самая малочисленная народность из пяти народностей Дагестана, имеющих литературный письменный язык. Табасаранцы ныне населяют два района Дагестана: Табасаранский (северный) — в бассейне реки Рубас-чай и Хивский (южный) — в бассейне реки Чирах-чай. На севере и северо-западе табасаранцы граничат с кайтаками (даргинцами), на юго-западе — с агулами, на юге — с лезгинами, на востоке — с азербайджанским населением побережья Каспийского моря. Для табасаранцев, обитателей Табасаранского района, вторым языком — языком межплеменного общения — служит азербайджанский язык, для жителей Хивского района, граничащего с лезгинами, — лезгинский.

Первым, кто начал изучать табасаранский язык, был известный исследователь горских языков Кавказа П. К. Услар, приступивший к изучению табасаранского языка после того, как им были исследованы шесть других горских языков: абхазский, чеченский, аварский, лакский, даргинский¹ и кюринский (лезгинский). Монография, посвященная табасаранскому языку, к изучению которого П. К. Услар приступил примерно в 1870 г., является последним его трудом; ко времени своей смерти (8 июня 1875 г.) он успел лишь вчерне закончить грамматику табасаранского языка.

«Из всех дагестанских языков табасаранский, — пишет П. К. Услар, — представил наиболее затруднений». Затруднения эти заключались прежде всего в том, что П. К. Услар долгое время не мог подыскать пригодного информатора для изучения языка. П. К. Услару пришлось пять раз менять своих руководителей, которые, по его словам, «забывали сегодня, что говорили накануне», хотя они и были природные табасаранцы. «Как ни странно кажется это, — пишет П. К. Услар, — но едва ли в целом свете найдется народ, который бы менее знал свой родной язык, как табасаранцы. На нем говорят они, как бы на языке чужом и плохо выученном»². В конце концов, Услар нашел в лице муллы Селима, уроженца аула Ханаг, «руко-

¹ Под названием «хюркилинский язык» у П. К. Услара представлен один из диалектов даргинского языка, ныне известный под названием урахинского.

² Мы должны отметить, что П. К. Услар не прав, заявляя, что табасаранцы говорят на родном языке как на плохо выученном чужом языке. Табасаранцы владеют своим родным языком так же, как и другие народности Дагестана. Как те, так и другие при выяснении того или иного грамматического вопроса могут колебаться; часто приходится слышать: «и так можно, и так можно». Из неудачи с информаторами не следует делать вывода, что весь народ не знает своего родного языка.

водителя, который обдумывал внимательно свойства своего языка и постепенно приобрел некоторую последовательность в своих показаниях», что дало возможность Услару создать грамматический очерк, не уступающий прежним работам автора.

Работа П. К. Услара была очень тщательной. «Не полагаясь на свой слух, покойный Услар, отыскав туземца, ознакомленного с русским языком и грамотою, и составив при помощи его азбуку данного языка, заставлял его записывать все слова и тексты; записанное проверял Услар при помощи других туземцев, которых он предварительно познакомил со вновь составленным алфавитом... При исследовании табасаранского языка Услар остался вполне верен своему методу: как видно из сохранившихся материалов, записанные табасаранцами слова и тексты проверены были несколько раз, прежде чем они попали в его труд»³.

При жизни П. К. Услара все его грамматики были изданы на русском языке (литографским способом), издавались они и на немецком языке в изложении акад. Шифнера. Рукопись же монографии о табасаранском языке П. К. Услара постигла иная участь. Услар успел отлитографировать лишь заглавный лист рукописи и алфавит: развившаяся болезнь сделала невозможным продолжение занятий. После смерти Услара его дочь отослала рукопись акад. Шифнеру. Вместе с этим трудом были отправлены и все лингвистические и нелингвистические заметки и даже черновые бумаги.

О дальнейшей истории рукописей Услара правитель дел Кавказского отдела Русского географического общества Л. П. Загурский пишет: «Шифнер не мог в это время приняться за рассмотрение посмертного труда Услара; покойный академик передал его, незадолго до своей смерти, чиновнику Кавказского горского управления, отправленному за бумагами, оставшимися после покойного Услара. Кавказское горское управление передало бумаги, полученные от Шифнера, в наш отдел. На них была надпись: «Табасаранский язык». «Табасаранский язык» представлял огромную связку самых разнородных по содержанию заметок, сложенных без всякого порядка. Рассортировавши их, я сделал из них три связки: в одну вошли черновые заметки о тех языках, очерки которых уже отлитографированы, а также выписки из разных сочинений и письма; другую связку образовали ценные лингвистические и нелингвистические заметки, еще неизданные, а третью составили бумаги, относящиеся к табасаранскому языку. По рассортировании последних и выделении из них черновых заметок, из которых многие были совершенно перечеркнуты, получился полный и обработанный труд о табасаранском языке»⁴.

Таким образом, Загурский, рассортировав архив Услара, выделил все относившееся к табасаранскому языку. Об этом материале и идет речь, когда мы говорим о рукописи Услара о табасаранском языке. Придавая большое значение труду Услара, Кавказский отдел Русского географического общества тогда же поставил вопрос об издании этой работы одного из первых своих членов. Не имея на это средств, Кавказский отдел обращался за помощью в Русское географическое общество, в Академию наук и в Министерство народного просвещения, но всюду получил отказ. Рукопись так и не была издана и в 1900-х годах считалась бесследно исчезнувшей.

Следующий исследователь табасаранского языка А. М. Дирр в 1903 г. пишет: «Говорят, что после смерти Услара осталась рукопись его о таба-

³ Л. Загурский, Записка об очерке табасаранского языка, посмертном труде Услара, «Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества», т. VII, № 2, Тифлис, 1882, стр. 332—333.

⁴ Там же, стр. 331.

саранском языке, но она странным образом исчезла»⁵. И в предисловии к своему «Грамматическому очерку табасаранского языка», вышедшему в 1905 г., А. М. Дирр также отмечает, что «черновая рукопись посмертного труда Услара о табасаранском языке, к сожалению, бесследно исчезла»⁶.

Однако рукопись Услара через несколько лет была найдена, и, по свидетельству Дирра, Кавказский отдел Русского географического общества поручил ему в 1910 г. «...просмотреть ее и сообщить, есть ли возможность и надобность печатать ее целиком или частью»⁷. 3 февраля 1911 г. А. М. Дирр доложил общему собранию членов отдела свое заключение о рукописи Услара. Изложив содержание рукописи, Дирр заявил, что материалы Услара и изданный им, Дирром, грамматический очерк не имеют существенных различий. Дирр нашел, что материалы Услара обильнее и техника изложения иная, чем у него самого, «... но в общем у нас одинаковые выводы», — заключает А. М. Дирр и делает весьма странное заявление, что «печатать весь труд Услара нет никакой надобности: это было бы лишнее повторение уже сказанного». Он предлагает отделу издать только выдержки из труда Услара, «...другими словами, дополнение к моей работе», — поясняет он. Что же входило бы в дополнение, которое предлагал издать Дирр? По словам Дирра, «туда входили бы сведения о некоторых спорных пунктах по грамматике, несколько текстов, те слова, которых нет у меня или о значении которых существует разногласие между Усларом и мною, и часть исторических и этнографических сведений, заключающихся в предисловии»⁸.

Следовательно, вместо обширной монографии должны были быть опубликованы лишь небольшие отрывки из рукописи Услара, не дающие представления о всей работе. Такая научная оценка труда Услара со стороны лица, являющегося автором другой табасаранской грамматики, более чем необъективна, она умаляет значение монографии Услара и не отражает ее достоинств.

После такой оценки со стороны Дирра Кавказский отдел Русского географического общества не решается издать рукопись Услара, и мы вновь, уже надолго, теряем ее след. Проф. Л. И. Жирков, также автор грамматики табасаранского языка, в 1948 г. сообщает, что «по указанию проф. Н. Ф. Яковлева, рукопись эта находилась в 1927 г. в Баку, откуда была выслана в Ленинград для проф. А. Н. Генко»⁹. Нам неизвестно, каким образом рукопись Услара перекочевала из Тбилиси в Баку, но она действительно оказалась в архиве проф. А. Н. Генко в Ленинграде и в 1949 г. (после смерти А. Н. Генко) была передана в Ленинградское отделение Института языка и мышления АН СССР, откуда поступила в библиотеку Института языкознания АН СССР в Москве.

*

Что же представляет собою найденная рукопись Услара о табасаранском языке и какова ее ценность для иберийско-кавказского языкознания? Эта рукопись включает: а) 25 стр. почти целиком перечеркнутых грамматических заметок; б) 60 стр. неоконченного, частично перечеркнутого

⁵ А. Д и р р, Очерки по этнографии Дагестана, Тифлис, 1903, стр. 5.

⁶ А. М. Д и р р, Грамматический очерк табасаранского языка, Тифлис, 1905, стр. VII.

⁷ А. М. Д и р р, Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке, «Известия Кавказского отдела Имп. рус. геогр. о-ва», т. XXI, № 1, 1911—1912, стр. 41.

⁸ Там же, стр. 42.

⁹ Л. И. Ж и р к о в, Табасаранский язык, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 12.

грамматического очерка; в) законченный вчерне, местами перечеркнутый, с поправками и замечаниями на полях грамматический очерк в 174 стр.; г) фонетическую часть с историческими сведениями о табасаранцах (всего 14 стр.); д) хрестоматию в 40 стр.; е) сборник табасаранских слов в 246 стр.

Это в точности соответствует описанию рукописи Услара, данному А. М. Дирром, но наблюдается несовпадение с описанием Л. П. Загурского. Загурский ничего не сообщает о 25 стр. почти целиком перечеркнутого грамматического материала и 60 стр. неоконченного первоначального варианта грамматики. Кроме того, по Загурскому, хрестоматия должна была иметь 49 стр., в рукописи же имеется только 40 стр. Вспомогательные черновые материалы Загурский не включил в свое описание рукописи Услара, так как он описывает собственно цельный очерк о табасаранском языке и ему поэтому не было необходимости касаться черновых вариантов. Что касается 9 стр. хрестоматии, которых недостает в рукописи, то, видимо, они были утеряны.

Проф. Л. И. Жирков высказывает предположение, не был ли «найден» в т о р о й экземпляр рукописи при Дирре (первый был описан Загурским). Но пометки на полях рукописи с указанием времени работы над ней дают возможность считать, что второго экземпляра, написанного рукою Услара, не могло быть. Над сохранившейся рукописью Услар работал до самой смерти. Загурский в описании рукописи Услара пишет, что, «как видно из пометки..., обработка была окончена в январе месяце 1875 года». Пометку, относящуюся к январю 1875 г., мы находим и в сохранившейся рукописи. Имеется на полях еще ряд пометок, характеризующих время работы над той или иной частью рукописи. На полях сборника слов имеются пометки за 1873 и 1874 годы; на полях грамматического очерка — пометки за 1873 г., много пометок за 1874 г. и последняя пометка — январь 1875 г., когда П. К. Услар кончает работу над грамматическим очерком. Пометки на полях рукописи дают возможность судить также о том, что наиболее интенсивную работу над табасаранским языком Услар вел в 1873 г., а также в 1874 г.

Грамматический очерк, хрестоматия и словарь представлены в рукописи как три отдельно пронумерованные самостоятельные части. Фонетическая часть и исторические сведения даны после морфологии. Сборник табасаранских слов состоит из 1566 слов, т. е. содержит большее их количество, чем другие грамматики Услара¹⁰. Этот сборник так же тщательно обработан, как сборники слов в других монографиях Услара. При именах существительных здесь приведены формы эргатива единственного числа и именительного падежа множественного числа, приводятся часто и некоторые формы местных падежей, а также формы, представляющие собой отклонения от общих правил. В качестве простейшей формы для глаголов вместо инфинитива Услар берет форму отглагольного имени действия (масдар)¹¹. На употребление каждого слова приводятся соответствующие примеры.

Из сообщения Загурского мы узнаем также, что Услар, составив сборник табасаранских слов (табасаранско-русский словарь с примерами), приготовил и список русских слов, но не успел внести в него соответствующие по значению табасаранские слова. Список русских слов, составленный Усларом, также до нас не дошел.

Хрестоматия (в которой, как уже указывалось, из 49 стр. сохранилось 40) включает 33 пословицы и 23 рассказа. На 23-м рассказе хресто-

¹⁰ Для кюринского языка мы насчитали в сборнике слов Услара 1470, для лакского языка еще меньше.

¹¹ Эту форму Услар называет неокончательной.

матия прерывается. Пословицы и 15 рассказов, занимающие 32 стр., снабжены подстрочным и литературным переводом и грамматическим разбором. На остальных страницах дан только подстрочный перевод.

Собственно грамматический очерк табасаранского языка по принципу обработки материала аналогичен прежним работам Услара. Загурский вполне справедливо находит, что грамматический очерк «...по своей обработке и многочисленности приведенных в нем примеров на данные правила, знакомящих с своеобразною конструкциею языка, не уступает ни сколько прежним трудам Услара»¹².

Грамматический очерк, представленный в рукописи, начинается с изложения системы склонения. Первым рассмотрено образование творительного падежа (эргатива), указаны падежные окончания и на каждое из них приведено множество примеров. Затем рассматривается образование множественного числа имен существительных, образование падежей во множественном числе. Вслед за этим автор переходит к описанию местных падежей, которыми весьма богат табасаранский язык; рассмотрены восемь серий по три падежа в каждой серии (соответственно тому, указывается ли состояние покоя, направление к предмету или удаление от предмета).

Специальный параграф Услар посвящает грамматическим классам в табасаранском языке. «В табасаранском языке существуют две категории, — пишет он, — посредством которых выражается различие между существами разумными и существами бессмысленными. К последним причисляются и все предметы неодушевленные, равно как и все слова, выражающие отвлеченные понятия». Услар тут же делает два замечания, которые считает весьма важными: «1) различие чисел не оказывает никакого влияния на изменение букв для слов, означающих существа разумные; 2) во множественном числе различие обеих категорий ничем не обозначается, т. е. категория бессмысленных принимает те же формы, что и категория разумных».

Эта особенность табасаранского языка интересна для истории грамматических классов в иберийско-кавказских языках. В тех языках, где сохранилось большее, чем в табасаранском языке, количество грамматических классов в единственном числе, обычно с помощью классных показателей во множественном числе различаются класс человека и класс вещей.

Переходя к прилагательным (материал расположен по частям речи), П. К. Услар отмечает как их изменение по грамматическим классам, числам и по падежам при самостоятельном употреблении, так и факт неизменяемости прилагательных, когда они употребляются при определяемом ими существительном.

В рукописи даются сведения о прилагательных — производных от имен существительных, от наречий места и времени, о способах выражения равенства качества, низшей степени или превосходства качества.

Обстоятельному разбору подвергнуты местоимения — дается их склонение, примеры употребления. Далее автор описывает имена числительные, которые в табасаранском языке сохранили изменяющиеся классные показатели, сообразно грамматическим классам человека и вещей.

Затем идет разбор глагола, занимающий большую часть грамматического очерка табасаранского языка. В рукописи глагол занимает 101 страницу из 174, посвященных морфологии (или 161 параграф из 253). Изложение табасаранского глагола Услар начинает, как обычно и в других

¹² Л. Загурский, Записка об очерке табасаранского языка, посмертном труде Услара, стр. 335.

своих исследованиях, со спряжения вспомогательных глаголов. Уяснение спряжения вспомогательных глаголов в дагестанских языках очень важно, поскольку вспомогательные глаголы находят обширное применение при образовании сложных форм глагола. Подробно рассматриваются вспомогательные глаголы *xьуз* «сделаться» и *anlyz* «сделать, делать».

Приведены временные, деепричастные, причастные формы, формы различных наклонений (повелительного, условного, зависимого от условия, желательного), разобраны вопросительные и отрицательные формы. Услар посвящает специальный параграф выявлению на примерах роли вспомогательных глаголов, «которую они играют в соединении с другими словами».

Далее Услар касается глагола *кун*, имеющего значения: «должно», «надлежит», «желательно», «любить». Приведены основы сложносоставных глаголов, которые употребляются при спряжении только со вспомогательными глаголами. Приведено множество примеров на сложносоставные глаголы, после чего Услар переходит к рассмотрению глаголов, спрягающихся без вспомогательного глагола.

Прежде всего он рассматривает здесь вопрос о классных показателях в глаголах, которого он до сих пор не касался, так как во вспомогательных глаголах классный показатель не выступает. Категория грамматического класса в глаголе для северного диалекта, к которому относится говор, описанный Усларом, является действующей категорией; классный показатель в глаголе является изменяющимся классным показателем, согласующимся с классом субъекта или объекта, на который указывает данный классный показатель. В говоре же, например, аула Хив, являющегося крайней точкой распространения табасаранского языка на юге, категория грамматического класса в глаголе является ныне уже не действующей категорией. Выявляющийся в глаголе показатель грамматического класса является окаменевшим, не согласующимся с субъектом или объектом, стоящим при глаголе.

П. К. Услар выделяет основные формы глагола, от которых могут быть получены другие формы. Такими формами служат: отглагольное имя действия (масдар), деепричастие настоящее, деепричастие прошедшее условное, 2-е лицо повелительного наклонения единственного числа и их отрицательные формы.

Распределение табасаранских глаголов по типам спряжения, по мнению Услара, невозможно, поскольку не могут быть подведены под определенные правила отношения к форме масдара остальных основных форм. Однако дальнейшее изучение табасаранского глагола, вероятно, даст возможность выделить типы спряжения в табасаранском языке. Рассматривается также образование остальных глагольных форм, признанных не основными.

Услар, как известно, является первым автором концепции пассивности переходного глагола в горских иберийско-кавказских языках. Концепция пассивности переходного глагола для Услара остается в силе и при разборе табасаранского глагола. Конструкция переходного глагола в табасаранском языке для Услара «сложна, запутана и неудовлетворительна» потому, что не укладывается в его концепцию пассивности переходного глагола. Заблуждение автора, сводящего эргативную конструкцию горских иберийско-кавказских языков к пассивной конструкции европейских языков, особенно заметно в его последней монографии¹³.

В рукописи разобраны послелоги-наречия, изменяющиеся соответ-

¹³ Мы здесь не имеем возможности более подробно остановиться на теоретической концепции П. К. Услара. Этому вопросу будет посвящена специальная статья.

ственно послеложным падежам, далее идут наречия, союзы и междометия. Этим кончается морфологическая часть рукописи о табасаранском языке, занимающая 174 стр., исписанные мелким убористым почерком так, что на странице помещается около 50 строк.

Следом за морфологией в рукописи Услара идет фонетическая часть с историческими сведениями. В окончательной редакции этот раздел, разумеется, предшествовал бы морфологии, как это мы видим во всех изданных грамматиках Услара.

Табасаранская азбука Услара содержит обозначения 56 звуков, из которых 6 гласных и 50 согласных. Дирр в звуковой системе табасаранского языка (в речи того же аула) насчитывает 63 звука: 12 гласных и 51 согласный. Такое обилие гласных у Дирра объясняется тем, что разные варианты гласных приведены им в качестве самостоятельных звуков. Так, например, он находит четыре разных вида *a*, три — *y*, по два *o* и *e*, между тем как, например, гласный *o* не характерен для табасаранского языка, что совершенно справедливо отмечает Услар.

Услар в составленную им азбуку не внес обозначения звука *ʒ*, хотя и указал, что этот звук имеет грамматическое значение. Дирр отмечает этот звук. Следовательно, если учесть звук *ʒ* в системе Услара (что необходимо сделать, так как *ʒ* является для табасаранского языка фонемой), то по количеству согласных системы Услара и Дирра совпадают — в обеих будем насчитывать по 51 звуку. Однако обе системы совпадут лишь по количеству согласных, вообще же между той и другой системой имеется ряд существенных различий.

Транскрипция у Дирра в его «Грамматическом очерке табасаранского языка» отстает от транскрипции Услара, она непоследовательна и запутана. Описание фонетической системы табасаранского языка несовершенно и у Услара, но оно последовательнее, чем у Дирра. В табасаранском языке имеется 6 специфических лабиализованных фонем, которые Услар уподобляет абхазским лабиализованным звукам. Услар пишет: «Прежде всего обращает внимание странное обстоятельство. Абхазский язык изобилует согласными, к которым прибавляется весьма беглый звук, как бы английское *w*, но весьма ослабленное. В исследованных до сих пор дагестанских языках подобных звуков не встретилось. Абхазцы и табасаранцы живут на двух противоположных оконечностях Кавказа, едва ли даже знают о существовании друг друга, языки их почти не имеют ничего общего, а между тем, в табасаранском обнаруживаются в большом числе согласные, подобные вышесказанным абхазским. Мы вовсе не говорим о тождественности тех и других, — добавляет Услар, — но характер их общий». Эти специфические лабиализованные звуки, которых нет ни в даргинском, ни в лакском, ни в аварском, свойственны всем говорам и наречиям табасаранского языка. Но в табасаранском языке, кроме того, имеются обычные лабиализованные звуки, подобные даргинским или аварским, при произношении которых губы округлены и выдвинуты вперед. Такие звуки с полной лабиализацией свойственны не всем говорам и наречиям табасаранского языка. Их нет в наречии, исследованном Усларом и Дирром, но они имеются в южном диалекте, лежащем в основе литературного табасаранского языка.

*

В предисловии Услар приводит исторические сведения о табасаранцах. О самом названии *Табасарань* Услар пишет: «Табасарань есть название, под которым племя это известно в Дагестане и которое понятно каждому. Так обыкновенно называют себя сами табасаранцы, когда говорят со

«своими иноязычными соседями: т а б а с а р а н ж в и, табасаранский человек, табасаранец...» Услар утверждает, что *Табасарань* — название не кавказское. «Весьма явственно слышится, что название это не есть горское кавказское, — пишет Услар, — всего вероятнее ему можно приписать иранское происхождение. Но и при помощи иранского языка оно, насколько я могу судить, остается необъяснимым. Вторая половина слова *سران* значит „головы“, первая, быть может, есть *تبا* „порча, разрушение“ или *تبر* „топор“. Но все эти предположения не ведут к удовлетворительной разгадке».

«У арабских писателей встречаем название *طبرسران* или *طبرسان* или *طبرسان*, — продолжает Услар. — Казембек пишет (*Derbend Nameh*, стр. 102), что туземные этимологи объясняют *طبرسران* через „топорообразные головы“ или через „топороносцы“, потому что Нуширван так назвал людей, которым поручил охранять Дербент».

О названии *Табаристан*, встречающемся вместо *Табасарань*, Услар пишет, что это «есть описка или свидетельствует о географическом незнании авторов, смешивавших Табаристан с Табасаранью. Между этими двумя названиями, кроме первой их половины, ничего общего не существует. Язык табаристанцев есть одно из иранских наречий — язык табасаранский, без малейшего сомнения, есть один из горско-кавказских».

Более интересным Услар считает название, которым сами себя называют табасаранцы: *ггумггум*, которое, по его мнению, «есть удвоение звука, вроде других кавказских этнических названий: черкес, шешен...» и т. д.

Название *ггум* Услар считает необъяснимым: *Ггумггум жви* «табасаранец», *ггумггумар* или *ггуннар*¹⁴ «табасаранцы», *ггумггум чIал* «табасаранский язык». «Внимание невольно обращается на формы *ггуннар* и *ггуннуан*, — пишет Услар. — *Ггум* и *ггун* так близки друг к другу, что название *ггумггум* есть *ггунггун*, удвоение названия *ггун*, что прямо напоминает исторических гуннов».

О термине *ггун* Услар пишет следующее: «происхождение этого названия неизвестно, но оно может нам объяснить, о каких гуннах на Кавказе писали армянские историки средних веков, начиная с Моисея Хоренаци». Постоянно около Чога, под которым армянские писатели подразумевали Дербент, армянские историки встречаются с гуннами. «Таким образом, становится понятным, — заключает Услар, — каких гуннов встретили армяне подле Дербента». Гунны, обитающие на Кавказе, по Услару, «столь же мало имеют отношения к гуннам Атиллы, как и аварские хунз или столь знаменитая ныне гора Гуниб и пр. и пр. Эти сближения, основанные на случайном и даже всего чаще ошибочном сходстве названий, исчезают, как дым, при точном рассмотрении кавказско-горских языков. Свидетельство армянских историков о дербентских гуннах может нам лишь служить доказательством, что уже по крайней мере XV веков тому назад табасаранцы, *ггуннар*, жили там, где и теперь еще живут».

По свидетельству Услара, византийские императоры в V и VI вв. заключали договоры с горцами, согласно которым горцы «обязывались не пропускать через свои ущелья ни гуннов, ни других северных хищников». Но эти гунны «являются совершенно чуждыми кавказско-горскому народонаселению, о котором все заставляет думать, — конечно, покуда еще на ос-

¹⁴ Название *ггуннар* не является общим племенным названием табасаранцев. Так называют только жителей ряда северных табасаранских аулов. Жителей некоторых других северных аулов называют *жсваранар*, иных — *чиркIулар*.

новании отрывочных исследований, — что оно не изменялось в продолжение целых тысячелетий».

Исторические сведения Услара представляют интерес и для языковедов, и для историка.

Далее Услар дает описание политического быта, установленного после завоевания Табасарани арабским полководцем Абу-Муселимом, покорившим ее после упорного сопротивления и обратившим жителей в мусульманство. Как рассказывает Услар, Абу-Муселим назначил в правители Табасарани одного из своих сподвижников — араба Мюхаммед Маасума. К Маасуму были приставлены два кади, которые должны были толковать народу настоящий смысл ислама. Судьба одного из кади неизвестна, но Маасум и второй кади, по имени Мюхаммед-кади, сделались независимыми друг от друга владельцами Табасарани, поделив ее между собою и образовав две административные единицы: Мисибдин улке — на севере и Къадирын улке — на юге. Такое разделение просуществовало в продолжение целого тысячелетия.

Диалектное деление, вероятно, существовало еще до указанного административного раздела Табасарани. Но образование двух самостоятельных областей, правители которых нередко вели между собой войны, должно было накладывать ограничение на общение между населением обеих территорий и повести к росту расхождений между обоими диалектами. Наличие именно двух диалектов в табасаранском языке может быть понято при учете, с одной стороны, естественного географического разделения территории Табасарани и, с другой стороны, длительного сосуществования Мисибдин улке и Къадирын улке¹⁵.

Мы дали схематическое описание материала рукописи Услара, посвященной изучению табасаранского языка. Монография Услара о табасаранском языке по методу изложения материала и его обработке аналогична предыдущим его исследованиям. Богатый материал, собранный и систематизированный автором, дает возможность продолжать работу над табасаранским языком и последующим ученым-языковедам. Монография Услара представляет большую научную ценность, чем работа А. М. Дирра «Грамматический очерк табасаранского языка», хотя сам Дирр и считал, что его грамматика может заменить работу Услара и, как мы уже указывали, не рекомендовал издавать усларовскую монографию.

Языковые факты в труде Услара представлены не только в основных своих проявлениях, но и в большинстве оттенков; та или иная формулировка автора основывается на анализе большого количества фактического материала. Монография П. К. Услара о табасаранском языке ценна для иберийско-кавказского языкознания не теоретическими положениями, а богатством фактического материала, тонкими наблюдениями автора над языком.

Эта седьмая по счету монография П. К. Услара о горских иберийско-кавказских языках является ценнейшим вкладом в дело изучения иберийско-кавказских языков.

¹⁵ В настоящее время, как уже отмечалось, Табасарань делится на 2 района: Табасаранский (северный) и Хивский (южный), граница между которыми не совпадает с границей между бывшими Къадирын улке и Мисибдин улке.